

небылицы

александр кауфман

16+

Александр Кауфман

Небылицы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кауфман А.

Небылицы / А. Кауфман — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04311-4

Сборник фантастических и не очень историй, произошедших или не произошедших когда-то и где-нибудь, написанных в период с 2016 по 2020 годы. О прошлом, настоящем и будущем, о любви и смерти, о приобретениях и потерях. И, конечно, о людях.

ISBN 978-5-532-04311-4

© Кауфман А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Собеседник	6
Чайник	10
Особенности национальной	11
Спектр	18
Письмо	23
Дылда	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

*Если мудрое слово услышит разумный,
то он похвалит его и приложит к себе.
Услышал его легкомысленный, и оно не понравилось ему,
и он бросил его за себя.
Сир.21,18*

Собеседник

– Вот скажи – ты считаешь меня привлекательным? – собеседник картинно приосанился.
– Как я могу считать тебя привлекательным? – удивился я. – Ты мужик. Я тоже. Или ты на что-то намекаешь, м?

– Совсем ты непонятливый. Оставь свои грязные инсинуации. Представь лучше, что ты женщина. Фантазия-то у тебя есть? Вот и представь. Я бы тебе понравился, будь ты женщиной?

Я оглядел собеседника. Худой, но не шуплый – пожалуй, его с некоторой натяжкой можно было назвать жилистым. Высокий. Тонкое вытянутое лицо, обрамлённое аккуратной чёрной бородкой, скрывающей некоторую скошенность нижней челюсти. Нос чуть длинноват. Губы узкие, нездорово синеватые. Спокойные глаза цвета стали смотрят прямо и открыто. Пальцы длинные, нервные – про такие обычно говорят «пальцы душителя или пианиста». В целом, во внешности моего собеседника не было ничего особенно привлекательного, но... Чёрт, был бы я женщиной, я бы пригласил его на чашку кофе после первого же свидания! Это можно назвать как угодно – внутренний магнетизм, обаяние, харизма – но от собеседника исходило нечто настолько притягательное, что, пожалуй, лишь слепец не смог бы заметить этого.

– Вот видишь! – он улыбнулся. Зубы были белые, ровные. – У тебя даже лицо изменилось. Признаёшь, что я прав?

– Признаю, – кивнул я.

– Тогда наливай ещё по одной.

Я взял бутылку уже слегка непослушными руками и развёл янтарную ароматную жидкость по бокалам. Коньяк был отменным – в меру терпким, в меру мягким. Мы выпили. Собеседник точным движением наколот на вилку кусочек балыка, отправил в рот.

– Так что здесь, дорогой мой друг, совершенно не важны какие-то внешние данные или общепринятые стандарты, – продолжил он. – Внутренний стержень! Воля! Умение выходить за рамки! Вот что действительно важно для успеха. В любых областях.

– Хорошо, хорошо, – в глубине души понимая, что собеседник прав, по старой привычке заядлого спорщика я силился найти контраргументы, – а, скажем, м... Актёры? Звёзды голубого экрана? На них равняются, ими восхищаются, а ведь не все из них – сильные люди со стержнем.

Сказав это, я понял, что довод очень слабый. Никудышный довод, если уж честно. Собеседник тонко улыбнулся, изящным жестом поправил серебряные запонки и принялся громить меня в пух и прах:

– Думаешь, известные актёры – слащавые красавцы, занятые только подпиливанием ногтей и подравниванием растительности на лице? Отнюдь. Даже если не брать в расчёт то, что работать им приходится порой в гораздо более тяжёлых условиях, чем, например, тебе, каждый из них обладает внутренней притягательностью. Как думаешь, легко ли заставить поверить в то, чего нет? В несуществующих людей, в ненастоящие ситуации? Очень непросто. А ведь хорошим актёрам веришь. Так-то.

– Сдаюсь, сдаюсь, – я поднял руки, – ты победил. Доволен?

– Ещё бы, – осклабился собеседник. – Разливай, что сидишь?

– Вообще-то коньяк так не пьют, – попытался протестовать я, – его надо маленькими глоточками, смаковать...

– Ага, ещё и покатаь по нёбу. Не будь снобом. Не то место, как видишь.

Мы, действительно, сидели не в ресторане и не в клубе истинных джентльменов, а на моей кухне. Столешница отливала металлом, в шкафах царил идеальный порядок – неброские, но дорогие вещи стояли точно на отведённых им местах. Я всегда был перфекционистом. Или занудой?

Я разлил коньяк, уже чувствуя шум в голове – бутылка была второй. Собеседник мой, казалось, ничуть не был подвержен воздействию алкоголя, сидел ровный, как палка, и такой же сухой. Лишь в стальных глазах появился едва заметный глянец.

Мы вновь выпили, закусили тёмным шоколадом. Время тянулось медленно, вязко, тягуче, секундная стрелка ползла еле-еле. В распахнутое окно залетела муха, и я видел, как трепещут её полупрозрачные крылышки.

– Это ты что-то сделал с часами? – спросил я чуть заплетающимся языком.

– Я? С часами? – собеседник улыбнулся. – Нет, с ними всё хорошо. Ты просто слишком много выпил.

– Ну да, ну да, – я скептически покачал головой, отчего она слегка закружилась.

– С твоего позволения, я продолжу. Ты завёл тему кинематографа, так? – жесты его были плавными и чёткими; красивыми. – Почему отрицательные персонажи порой более притягательны, чем положительные?

– Человеку свойственно стремиться ко злу, – философски заметил я.

– Отчасти ты прав. Но не только это служит причиной. Я говорил об умении выходить за рамки, помнишь? – собеседник двумя пальцами взял бутерброд с икрой, откусил. Одна икринка лопнула, брызнув солёным соком на бороду. – Включи же логику! Преступник всегда привлекателен тем, что обладает достаточной смелостью, чтобы нарушить закон. Смекаешь? Вот ты нарушал закон?

– Ну, бывало, скорость превышал, – задумался я, – в студенчестве «зайцем» ездил...

– Не смейся. Это всё чушь. По-настоящему ты закон никогда не нарушал. Я-то знаю. А тот, кто выходит за рамки – пусть даже за рамки закона – привлекателен своей смелостью.

– Как-то сомнительно, – задумчиво ответил я, наполняя бокалы остатками коньяка. – Разве маньяк привлекателен?

– Крайности мы не рассматриваем, – безапелляционно отрезал собеседник, уже примериваясь к бокалу. – Двигаемся дальше. Я слышал много нытья о том, что женщины любят богатых за их деньги. Мол, это продажность и порочность. Чушь!

– Почему? – поднял брови я. – Если откровенно, я тоже всегда так считал. Не огульно, конечно, но определённая тенденция есть.

– Вздор! – собеседник мой, казалось, даже чуть разозлился. – Опять же, если не рассматривать всяких папенькиных сынков – вроде тебя, кстати, не отрицай, папенька много тебе помогал в самом начале – то богатый человек стал богатым не просто так. Он заработал, ясно тебе? Наверняка сталкивался с трудностями, даже с угрозами, но не спасовал, а пошёл дальше, и в итоге добился своей цели, – он опрокинул бокал в глотку. Острый кадык сделал движение вверх-вниз. – Значит, у такого человека есть стержень. И его за это любят, уважают и ценят.

– Ладно, ладно, – я примирительно развёл руками. – Я согласен. Стержень, воля, характер. Я это понимаю.

– Кстати, ты тоже не трус, – мужчина вдруг стал абсолютно серьёзен, – ни разу не запамятовал. Не испугался меня.

– С чего бы? – удивился я. – Нет, я тебе, в принципе, сразу поверил. Это чувствуется. Но это было так буднично... Чёрт возьми, ты всегда вот так приходишь, с бутылкой коньяка и закуской? Серьёзно?

– А ты ожидал увидеть меня каноничной старушкой с косой и чёрным вороном на плече? – собеседник мягко улыбнулся.

– Я, честно, ни разу не думал об этом, – признался я. – Жил одним днём, а о таком далёком, как мне казалось, будущем не задумывался.

– Может, так оно и правильней, – Смерть покрутил в длинных пальцах опустевший бокал. – Жить полной жизнью здесь и сейчас... В этом что-то есть от той самой смелости, которую мы обсудили пару минут назад.

– Да. Может, и так, – согласился я. Воцарилось молчание. Каждый думал о своём – Смерть, наверное, о внутренней силе и связи её с житейским благополучием, я же о его предложении... Заманчивом, но страшном.

– Всё-таки я покажу тебе кое-что, – Смерть поставил бокал на стол, – дабы не осталось сомнений.

Он на секунду прикрыл глаза, сделал странное движение пальцами, и я ощутил невероятное. Что-то невидимое и неведомое, что было внутри меня и чем был я сам, отделялось. Вот я вижу себя со стороны и почему-то думаю о том, что зря я забросил спорт – брюшко ужу немного торчит из-под рубашки. Меня со мной же связывает радужная пуповина, которая истончается и истончается, и вот я растворяюсь в чём-то тёплом и ласковом, оставаясь при этом сидеть на своей кухне...

Всё закончилось внезапно. Я открыл глаза, закашлялся, меня чуть не вытошнило, трясущимися руками я налил себе стакан водопроводной воды. Смерть смотрел на меня с интересом и, казалось, с лёгкой иронией.

– Понял, как это происходит? – спросил мой странный гость.

– Да. Ничего приятного, но не так уж страшно, – отдышавшись, ответил я.

– Теперь, полагаю, ты до конца уверен в истинности моих слов. Простой аферист не сумел бы так сделать, а?

– Определённо, – я опустил обратно на стул. В голове ещё шумело, но весь хмель из неё будто выдуло порывом ледяного ветра. – Послушай, зачем тебе это?

– Скука, – прямо и просто ответил Смерть. – Представляешь, сколько мне лет? Конечно, я не испытываю скуку в привычном твоём понимании, но аналог этого чувства у меня есть. Думаешь, ты первый, кому я предлагаю подобного рода сделки?

– Но почему я? И почему именно книга? – я и вправду недоумевал. В мои планы отнюдь не входило становиться писателем.

– Ты, конечно, всё-таки туповат, – покачал головой Смерть. – Может, я действительно ошибся?

– Нет-нет, – я поспешил сдать назад. Умирать в самом расцвете сил мне не хотелось, пусть Смерть и обещал мне, что всё пройдёт тихо и безболезненно.

– Я хочу помочь тебе, дурачок, – почти ласково сказал Смерть. – Ты крутишься между работой, домом и редкими развлечениями. Да, ты немало зарабатываешь в офисе, и даже работа у тебя более интересная и творческая, чем у большинства тех, кто каждое утро едет в город, принарядившись в дорогой костюм. Но это серость, понимаешь? Кем тебя запомнят твои наследники – если они вообще когда-нибудь будут? Кем тебя запомнят люди? Да никем. Когда-нибудь я приду за тобой, и всё. Приди я сейчас не с предложением, а делать свою работу – разве о тебе не забыли бы пару лет спустя?

– Но у меня есть родители, родственники, – слабо попытался спорить я.

– Да, конечно. Они будут помнить. Но все остальные – нет. Рано или поздно я приду за твоими родными – а с ними исчезнешь и ты.

– Но так живёт большинство... К сожалению, в нашем народе как-то не очень принято помнить всех до седьмого колена.

– Послушай меня – и, главное, услышь! – Смерть ткнул мне в грудь худым длинным пальцем, и по телу будто пробежал электрический разряд. – Ты можешь запомниться многим. Тысячам и миллионам. Тебя будут цитировать потомки, твои книги будут включать в учебники. Это твой шанс, понимаешь? Шанс Словом менять мир! Определять мышление! Поэтому я и хочу тебя подстегнуть – и посмотреть, что из этого получится. Ты помнишь наш уговор?

– Да, конечно, – вопрос был глупым. Такое не забывается. – Сейчас ты оставляешь меня на какое-то время, но если увидишь, что я вернулся в рутину и больше никуда не стремлюсь, ты вернёшься... И уже с предсмертными мучениями.

– Такими, что ты будешь умолять забрать тебя скорее, – Смерть поднялся со стула. – А мне пора. И так засиделись.

– Послушай, а зачем тебе фигурировать в книге? – задал я вопрос, который весьма меня заинтересовал. – Неужели и тебе не чуждо тщеславие?

– Может, и так, – тонко улыбнулся Смерть. – А может, я усложняю тебе задачу, а? Никогда не думал о том, что обо мне весьма непросто написать что-то оригинальное и интересное?

Пока я стоял, раздумывая над его словами, Смерть открыл замок и вышел из квартиры. Я слышал, как шаги его отстучали один пролёт и затихли – видимо, Смерть предпочёл какой-то менее тривиальный способ путешествия, чем топтать пешком с восьмого этажа.

Я закрыл дверь. Голова была пустой и звонкой. Всё можно было бы счесть сном или бредом, но на столе покоились два бокала, а этикетки на коньячных бутылках были написаны на незнакомом языке – таких у меня не водилось. В кои-то веки я решил пренебречь немедленным наведением порядка на кухне, оставив балык, шоколад и бутерброды жирным летним мухам. Вместо уборки я прошёл в комнату, которую гордо именовал «кабинетом», и включил компьютер. Спать не хотелось. Хотелось творить. Писать слова, что будут тяжёлыми камнями ложиться в душу каждого прочитавшего их, чтобы спустя мгновение расцвести великолепными цветами понимания. Слова, что будут вырывать людей из обыденности, слова, что будут толкать в спину и давать пинка, слова, которые заставят стремиться и совершать поступки. Слова, которые сделают меня бессмертным на многие годы и десятилетия.

Я создал новый файл. Когда-то я пробовал писать, но бросил ради работы. Однако ещё с тех времён я помнил, что начать бывает сложнее всего. Поэтому над первым предложением я думал не меньше пяти минут. А когда посмотрел в тёмное окно, прикрыл глаза и вспомнил Смерть, его безупречный костюм и ироничную ухмылку, философские рассуждения и неоспоримые доводы, первое предложение само появилось у меня перед глазами. Я подскочил на стуле, скорее, чтобы не спугнуть внезапно нахлынувшее вдохновение, и бросил руки на клавиатуру:

«– Вот скажи – ты считаешь меня привлекательным? – собеседник картинно приосанился.

– Как я могу считать тебя привлекательным? – удивился я. – Ты мужик. Я тоже. Или ты на что-то намекаешь, м?»

Чайник

Свист чайника на плите, это воплощение домашнего уюта, ныне почти исчез из обихода. Его редко услышишь в бетонных ячейках квартир, где мёртвый камень пронизан током тысяч человеческих жизней. Всё больше звучит бездушный сухой щелчок электрочайника, закончившего кипячение. Таинство процесса уходит в небытие, отдаваясь точному результату – подогретой до нужной температуры воды. Кулеры же лишены даже этого слабого отзвука жизни – щелчка – всегда храня в металлопластиковом нутре горячую воду для жаждущих стремительных людей, экономящих каждую секунду драгоценного времени.

Но понимающие ставят на плиту чайник, надевая на носик колпачок со свистком. Рождённый газом, вышедшим из немислимых земных недр, огонь жжёт металлическое дно, оставляя видимые следы, вода бурлит, изнемогая, превращается в пар, который с пронзительным свистом вырывается наружу, чтобы спустя секунду раствориться навсегда. Крышка, если чайник не так уж молод, прилегает не слишком плотно, подпрыгивает, и из-под неё устремляются другие паровые струйки, прихотливо избежавшие свистковой участи. Носик со свистком снимается или поднимается, и вода, ещё бурлящая остатками былой мощи, льётся в заварочный чайник, заставляя высушенные листья отдавать свою коричневую краску.

Теперь-то я нередко позволяю себе пить чай с чёрным бальзамом, крепким и ароматным, иногда добавляя лимон, мяту или что-то ещё. Но когда-то давно я знал только один неизменный ингредиент для чая – сахар. Прибегая с улицы на обед или ужин, осторожно, чтобы не задеть содранные, залитые бриллиантовым зелёным коленки о скатерть, я садился за стол и наблюдал, как Дед режет крупные, только что с грядки, помидоры и огурцы. Такой салат, заправленный сметаной или подсолнечным маслом, был излюбленным блюдом, не надоедавшим почти никогда. Аккурат перед тем, как поставить в центр стола две тарелки – глубокую, с салатом, и мелкую, с крупно нарезанным белым хлебом – Дед ставил на плиту чайник со свистком и звал бабушку. Заканчивали трапезу мы под пронзительные трели, и спустя время обязательно прихлёбывали крепкий сладкий чай, порой даже из блюдца.

Если это был обед, то я убежал к заждавшимся друзьям, если же ужин – то мы сидели с Дедом играть в шахматы или «войнушку». Вторая игра была моей любимой, но Дед баловал меня ею не так часто, чтобы она успела надоесть. На двух белых листах он чертил две одинаковые карты местности, с лесом, болотами, реками и озёрами, полями и господствующими высотами, траншеями и окопами, на обратных же сторонах листов писал силы обороняющихся и наступающих – артиллерию, танки, миномёты, пехоту, сапёров, инженеров. Конечно, атакующих всегда было больше, но у защищающихся имелись надёжные укрепления. Затем мы с Дедом кидали жребий, кому быть какой стороной, и расходились по разным комнатам – рисовать планы.

Когда наставало время подвести итоги, я обычно проигрывал – Дед, человек старой закалки, был сторонником мнения, что детям поддаваться не надо, а если и надо – то совсем чуть. Благодаря его позиции я обогатился множеством новых знаний о стратегии и тактике, бережно мною извлечённым из книг, таких же аккуратных, пожилых и вкусно пахнущих временем, как и всё в этом доме.

Так проходило беззаботное моё детство, не лучшее, но и не худшее, чем у тысяч других детей. Когда я был, как мне казалось, взрослым, а на самом деле – сущим ребёнком, Дед ожидало и тихо умер, исполнив главную мечту последних лет жизни – не беспокоить родных и близких беспомощным своим состоянием. До самого последнего дня он находил в себе силы самостоятельно пройти на кухню, зажечь спичкой живой огонь и поставить на плиту потёртый эмалированный чайник со свистком.

Особенности национальной

Пётр Тимофеевич Кирпичёв проснулся от дробного металлического стука на заднем дворе.

Надо сказать, что Петра Тимофеевича никто и не думал величать по батюшке. Звали просто: Петя Кирпич, редко иначе. Тут был как раз тот самый случай, когда фамильное прозвище подходило натуре и облику как нельзя лучше. Был Петя довольно молод, едва ли сорока лет от роду, здоров, как бычара, широк и красен лицом, квадратен головой. Впечатление производил монументальное – то есть был похож на типовой монумент воинам, павшим смертью храбрых. На руку был скор, к выпивке питал трепетную тягу, батрачил в сезон на комбайне, держал птицу и двух коз – таких людей называют крепкими хозяйственниками, иногда их, для разбавления, делают депутатами или служащими. Жил бобылём, молодая жена сбежала в город с залётным командировочным, прибывшим на соседний завод, где та трудилась в упаковочном цехе. С другими у Кирпича как-то не сложилось, а потом и привык. Девки, впрочем, к Пете хаживали, наутро возвращаясь домой с огромными синяками под глазами, но довольные, что твоя кошка в марте. Отцы да братья пробовали приезжать разбираться, да кончилось это ничем – Кирпич выпивал полстакана, выходил на крыльцо и молча стоял, нежно поглаживая приклад двустволки, доставшейся от покойного отца.

Итак, Петю Кирпича разбудил металлический стук.

Голова немного потрескивала после вчерашнего – заходил Фёдор Лесник, приносил дары браконьеров, и выпили они крепко – поэтому сначала Петя принял стук за внутренние шумы измученного самогоном организма. Прележав в койке ещё с минуту, он понял, что стук всё же идёт с задов, и, с трудом поднявшись, выполз наружу, на всякий случай прихватив с собой топор. Он вообще любил оружие во всех видах и редко выходил из дома с пустыми руками.

В окно Кирпич увидел, что соседские мальчишки, шести и восьми лет от роду, из-за низкого частотола швыряют мелкие камешки на его задний двор, метаясь в нечто металлически стучащее, что пока было от него скрыто. Рассвирепев, Петя перехватил удобнее топор, намереваясь напугать сорванцов, и выскочил наружу, ударив плечом жалобно скрипнувшую дверь.

Посреди двора, распугав съёжившихся в углу курей – вчера Петя забыл их закрыть в курятнике – стояло металлическое блюдо на тонких изящных ножках. Диаметр блюда было не больше трёх метров, верх его закрывал колпак мутного стекла в виде полусферы, на корпусе тут и там, без видимой системы, зияли ромбовидные отверстия. Никаких опознавательных знаков блюду не имело, и Кирпич застыл, не понимая, как относиться к вторженцам – приветствовать как отечественных военнослужащих или брать в плен как вражеских шпионов? Когда-то он служил в армии, и некие рефлекторные реакции оказались защиты в подкорку.

– А ну пошли вон! – прикрикнул Кирпич на соседских мальчишек, и те моментально скрылись в лопухах, опасаясь вооружённого топором соседа.

Отметив, что одно дело сделано, и сделано хорошо, Кирпич спустился с крыльца и направился к блюду. Обойдя его со всех сторон, постучав обухом топора по металлической обшивке, попытавшись разглядеть хоть что-то за мутным стеклом, Петя пришёл к выводу, что тратить время на безответную металлическую бандуру не имеет смысла и направился к курятнику – надо было наложить курям распаренного зерна.

Вдруг стеклянный колпак пришёл в движение, и Петя сразу же отскочил, подняв топор и приготовившись к схватке с вражескими диверсантами. Из мягкого бледного нутра блюда, открывшегося под колпаком, выпрыгнули двое в причудливых скафандрах, каковые Кирпич видел только на обложках дешёвых фантастических книжек. Головы их были закрыты такими же полусферическими стеклянными колпаками, но уже не мутными, а прозрачными. Вглядевшись, Кирпич отшатнулся – то были не припухшие морды воинов великой страны и не бело-

зубые лицемерные физиономии самолюбивых шарлатанов и агрессоров, а самые настоящие вытянутые зелёные мурла, похожие на перезрелые кабачки.

Кирпич встряхнул головой, потёр виски и глаза, едва не задев ухо топором, который так и остался зажатым в ладони. Подумал, что с похмелья чего только не привидится, но, когда поднял глаза, обнаружил, что неведомые существа никуда не делись. Напротив, более крупное мурло приблизилось и направило на Петю странного вида прибор.

– Э! Слышь! – Кирпич замахнулся топором, но внезапно ощутил невероятное, ни с чем не сравнимое облегчение, хотя сразу и не понял его причину. Лишь в следующий миг он осознал: похмелье ушло.

– Братишка! – от неожиданности слова в голове Кирпича перемешались и никак не хотели состыковываться в предложения. – От души, брат! Как ты это сделал? Штукой этой? А можно мне такую?

– Приветствуем тебя, человек! – зазвучал голос из глубин скафандра. Он был поход на настоящий, но едва уловимо отдавал металлом, как не самая чистая водопроводная вода. – Мы полностью очистили твой организм от продуктов распада этанола, и теперь он функционирует гораздо лучше. Рады, что смогли оказать помощь разумному существу!

– Ага, – кивнул Петя, присел на пенёк, достал из кармана папиросы и блаженно закурил. – Спасибо, братцы. Ну и ну, никогда не мог представить, что такое возможно. Р-раз! – и нет похмелья. Башка не трещит, живот не крутит, – заторможенность сменилось болтливостью, а когда Кирпич начинал болтать, его было не остановить. – Слушайте! Раз такое дело, может, накатим по рюмашке? – краем глаза Петя увидел, как соседские мальчишки наблюдают из кустов, и погрозил им кулаком. Сорванцы шмыгнули обратно.

– Человек, мы были вынуждены совершить посадку на вашей планете! – надрывался неживой голос. Тонкие, словно нитки, губы на мурле существа при этом шевелились еле-еле. – Моё имя Оолейд, я командир разведывательного корабля Четвёртой Группы Внешних Взаимодействий, сокращённо ЧГВВ. Это мой штурман, механик и помощник Иигранд. Мы специально адаптировали наши имена под ваше произношение, чтобы нам было легче установить контакт! Ведь устанавливать контакт – долг каждой разумной расы!

– Адаптировали они! – воскликнул Кирпич, нахмурившись. – Думаете, мы здесь совсем глупые, или что? Слов, думаете, не знаем?

– Мы ничуть не сомневаемся в интеллектуальных способностях человеческой расы! – быстро воскликнул Оолейд. Иигранд согласно кивнул. – Кроме того, мы используем языковой синтезатор на основе самообучающегося искусственного интеллекта, поэтому поначалу он может подбирать не самые соответствующие времени, месту и моменту слова.

– Хм, – Кирпич надолго задумался. Пришельцы пристально следили за мысленным процессом. – Знаете, что? – капитан и механик подались вперёд, жадно ловя каждое слово. – Будете Олег и Игорь. Так проще. По-нормальному, по-нашему, а не вот это вот всё. Нам лейдов и грандов тут не надо!

Оолейд и Иигранд переглянулись, будто неслышно совещаясь друг с другом, и согласно кивнули.

– Если так будет вам угодно, мы готовы принять имена, благозвучные для того региона, где мы...

– Отлично! – Кирпич вскочил на ноги и хлопнул пришельца по плечу. – Меня Петром зовут. Петя. Петя Кирпич, если полностью. Можно на «ты». Олеж, а по рюмашке за знакомство, а? Игорёк?

– Хотя наш организм и модифицирован так, что может перерабатывать даже инопланетную органику без вреда для здоровья, инструкции запрещают нам подвергать себя излишнему риску без необходимости, – уклончиво отозвался капитан.

– А я, с вашего позволения... Сейчас, метнусь только, сюда всё вынесу. Чего в избе сидеть-то, погоды стоят! Вон, у меня и столик есть, падайте пока, – Петя неопределённо махнул рукой в сторону яблонь, где примостился крепкий деревянный стол с двумя скамьями.

Погоды и вправду стояли прекрасные. Конец мая, солнце, ещё не изнурительно-жаркое, а ласковое и тёплое, словно заботливая мамка. Звон жуков и чирикание птиц по утрам, вечерние купания в холодной речной воде, чтобы брызгать визжащих девок, а потом, накупавшись, как в детстве, до синих губ, хлопнуть рюмку, да и закусить её крепким, с того года ещё, солёным огурцом. Вернуться домой, одному или с компанией, накрыть стол, выставить вожаделенную бутылку, вскрыть консерву, нарубить крупно чуть подсыхший чёрный хлеб, сбрызнуть маслом и посолить порезанный кольцами репчатый лук, а то и грибочков баночку откупорить... Для Кирпича это было золотое время. Обеспечивающий его почти на весь год сезон изнурительной работы на комбайне, когда сил остаётся только на то, чтобы доползти до дома и лечь часов на шесть спать, ещё не начавшись; огородом Петя особенно не занимался, предпочитая уделять свободное время охоте и рыбалке; жены и детей нет, а много ли надо бобылю? Так он и жил, работая, если нужно, словно двуличный, но и отдыхая на славу, не отказывая себе ни в чём.

– А вот и я! – Петя вновь обратил на себя внимание Оолейд-Олега и Иигранд-Игоря, возникнув на крыльце с бутылкой, рюмками и тарелкой в руках. В тарелке оплывало сало, истекала маслом селёдка, топорщились стрелки зелёного лука. – Хлеба нет, извиняйте, гости дорогие. Я рюмки всё же три взял, мало ли?

– Благодарим, человек, – сдержанно кивнул Олег, уже начавший нервозно ёрзать. – Как я уже сказал, мы были вынуждены совершить посадку на вашей планете, в обитаемых местностях. Кораблю требуется два-три дня на саморемонт, и мы отбудем дальше, выполнять задачи в рамках деятельности ЧГВВ. И, раз уж так произошло, мы бы хотели установить официальный контакт на уровне правительств наших планет...

– Ребята, ну зачем нам эти правительства? – Петя предвкушал первую за день рюмку, и его настроение стремительно улучшалось. – Успеется ещё! Может, всё-таки выпьем?

– Как я уже говорил, инструкции... – Олег снова пустился в пространные рассуждения, но кирпич быстро перебил его:

– Ты же сам говорил про контакт! – Кирпич, хоть и закончил только техникум по специальности «Механизация сельского хозяйства», круглым дураком не был и хитростью обладал. – Раз уж на контакт вышли, будьте добры соблюдать наши обычаи! Прибыли – надо за это выпить.

Капитан и штурман переглянулись, и спустя несколько мучительно долгих мгновений Олег кивнул:

– Хорошо, человек, мы согласны.

Колпаки синхронно откинулись, и Кирпич смог внимательнее рассмотреть пришельцев. Зелёная кожа их была сморщенной, словно у стариков, зубы оказались крупные и тёмно-жёлтые, губы почти отсутствовали, как и нос, зато глубоко посаженные полупрозрачные глаза смотрели заинтересованно, почти по-человечески. В общем, если присмотреться, не такими уж они были страшными. Иные знакомые Кирпича выглядели куда как неприятнее.

– Ну, за знакомство! – Петя поднял рюмку, чокнулся с новыми собутельниками и опрокинул живительную влагу внутрь. Прокатилось обжигающе-горячее, упало в желудок, расцвело там небывалым тёплым цветком, и сразу же ушло в ноги, вмиг ставшие приятно-ватными. Петя довольно крикнул, подцепил узловатыми пальцами кусок сала и отправил его вслед за самогоном.

– Селёдочку берите, знакомец привёз, угостил, – жуя, предложил Кирпич, и вдруг смерил пришельцев подозрительным взглядом. – А вы чего это? Не выпили? Выплеснули что ли? Там сорок пять, а вы как воду хлебаете!

– Мы дали команду нашим организмам, чтобы они немедленно расщепили поступившее вещество на составляющие и вывели то, что может повредить! – с удовлетворением произнёс Олег. – Так мы и соблюдали традиции, и не нарушили инструкции! Умение ориентироваться в любой обстановке и находить оптимальное решение – отличительный признак пилотов ЧГВВ!

– В отличие от выскочек из ПГВВ... – это была первая фраза, произнесённая Игорем с момента знакомства, и он сразу же удостоился укоризненного взгляда своего капитана.

– Олеж, я не понял, это ты так продукт переводишь что ли? – Кирпича такое положение дел явно не устраивало. – Я сам! Вот этими руками! Брагу ставил, выгонял потом, потом второй раз, а ты его расщепляешь? Олеж, при всём моём уважении...

– Кирпичёв! Петя! – голос от калитки прервал пламенную речь хозяина дома. Он обернулся и увидел старшего лейтенанта Безрукова, облокотившегося на заборчик. Калитку Кирпич не закрывал принципиально, поэтому на задний его двор мог прийти любой. Воровать не осмеливались, знали, что если застукают – не сносить головы. – Это что у тебя такое? Пьёшь с утра с какими-то подозрительными личностями, штуку железную откуда-то украл и притащил... Изволь разъяснить по существу вопроса, Пётр Тимофеевич! – старший лейтенант любил к месту и не к месту вплетать в речь канцелярские обороты, считая, что они придают его словам большую значимость.

– Во-первых, не с утра, а почти обед, – невозмутимо загнул один палец Кирпич. – Во-вторых, не украл, а вот они прилетели на этой штуке. В-третьих, не подозрительные личности, а наши гости из других галактик. Я правильно излагаю, Олеж? Галактик?

– Наша миссия запрещает нам излагать детали и подробности местоположения родовой планеты, – с достоинством ответил капитан, – мы дрейфуем по всему Глубокому Космосу. Но, действительно, наши родные места отстоят на многие сотни световых лет от вашей планеты. Наша миссия мирная, мы были вынуждены совершить аварийную посадку и пойти на контакт!

– Ты мне лучше скажи, старлей, – ухмыльнулся Петя, – пацаны что ли тебя вызвали?

– Это тайна следствия! – парировал Безруков.

– Да знаю я всё, – махнул рукой Кирпич, – больше и не видел никто. Во стукачи малолетние! Выпьешь, Серёг?

– Я на службе, – со вздохом отозвался полицейский. – А вы, гражданин Кирпичёв, извольте обращаться ко мне в служебной обстановке согласно предписания! Не «Серёга» я сейчас, а товарищ старший лейтенант Безруков!

– Это ты от того, что выпить не можешь, бесишься, – глубокомысленно заключил Петя несколько секунд спустя. – Ладно, товарищ старший лейтенант Безруков, чего пришёл-то?

– Поступил сигнал от сознательных граждан, проводим проверку. Документов наверняка у твоих гостей нету? Нету. Задержатся надолго?

– Нашему кораблю необходимо не более трёх дней на саморемонт, – вновь вступил в разговор Олег.

– Значит, временная регистрация не имеет насущной необходимости, – пожевав губами, заключил лейтенант. – Но документ всё равно должен быть! Могу сейчас забрать до выяснения твоих гостей, а транспортное средство их вообще в райцентр на штрафстоянку!

– И как ты на нём выедешь? – осклабился Петя. – То-то. Ты вот что, товарищ старший лейтенант Серёга. Мозги-то мне не делай, я тоже законы знаю. Ты вообще сейчас находишься без ордера и без приглашения на моей частной территории. Разве не так? Так. Вот и не жужжи.

– Блин, Петя, а как я должен был реагировать не сигнал? – сдался старлей. – Позволили, сказали, так, мол, и так, какие-то чуды-юды у него по участку ходят, металлога какая-то стоит... Вот я и отреагировал по всей строгости закона.

– Под мою ответственность, товарищ старший лейтенант, – примирительно поднял руки Кирпич. – Под мою! Всё нормально будет! Погостят пару дней и улетят. А что документов нет – так они не знали. Не знали ведь, правда?

Пришельцы синхронно закивали.

Старший лейтенант Безруков ещё раз окинул взглядом странную компанию, зачем-то потянул носом воздух, небрежно бросил руку к форменной фуражке и отбыл. Перед этим, правда, он не забыл сделать селфи на фоне летающего блюда, не очень-то и таясь.

– Служба у него такая, не обращайтесь внимания, – махнул рукой Петя. – Ну, ещё по одной? Только на этот раз без всяких расщеплений!

– Пётр, раз уж нам пришлось совершить посадку, нам требуется установить официальный контакт! – не сдавался Олег. – Товарищ старший лейтенант Безруков – представитель официальной власти вашей планеты?

– Ещё какой официальной, – хмыкнул Кирпич. – Официальнее некуда. Думает о себе невесть что, а самого сюда отправили, потому что тупой, как пробка. Начинал-то он в райцентре, да только даже на карман не мог нормально взять, я уж не говорю раскрыть чего-то. Вот и ловит здесь алкашей да тех, кто кур у соседей ворует. Мы, ребята, мне зубы-то не заговаривайте. Вы что, не уважаете меня?

– Уважаем, – ответил Игорь. Кажется, он не расщеплял. Во всяком случае, лицо его стало гораздо подвижнее, да и мрачная молчаливость пропала.

– Контакт нормальный хотите установить?

– Хотим, – кивнул Олег.

– Если уважаете и хотите установить контакт – пейте! – Кирпич, довольный тем, в какую хитрую словесную ловушку загнал пришельцев, опрокинул первым, закусив долькой селедки.

Вечером пошли на танцы.

Кирпич, несмотря на вялые протесты, заставил гостей снять лётные скафандры и выдал лучшие вещи из своих запасов: Олегу – новый спортивный костюм и белые кроссовки с «Али-экспресса», Игорю – цветастую рубашку, брюки и лакированные туфли. Сам Петя предпочёл скромную футболку с известным волком и фразой «Ну ты заходи, если чё» и потёртые, но фирменные джинсы, подаренные ещё женой. Игорь изрядно повеселел, Олег же, кажется, потихоньку расщеплял тайком от хозяина дома, сохранял серьёзность и талдычил про контакт и официальных лиц.

– Не ссы, братан, – широко улыбнулся Кирпич, – на танцы и глава администрации иногда заходит. Он, конечно, в возрасте уже, но так отжечь может, что молодые позавидуют. Там-то и поговоришь. Прыгай, гоним!

Залезли в старенькую «Ниву», латанную-перелатанную, выкрашенную баллончиком «под камуфляж». Автомобиль был предметом гордости Кирпича, на нём он ездил на охоту и любил говорить, что вылезал из таких мест, где любой современный внедорожник застрянет и погибнет. Проверить его слова не было никакой возможности, а если бы и была, вряд ли нашёлся бы чудак, прилюдно обвинивший Кирпича во лжи.

Мотор взревел, и «Нива» вырулила на разбитую просёлочную дорогу. Петя врубил музыку, раскрыл окно и голосил, что было мочи:

– Выпил цэ два аш пять о аш! Сел на ниву Ростсельмаш!

Гости, сначала испуганно сжавшиеся на заднем сиденье, немного осмелели и даже сдержанно гудели в такт музыке.

Возле клуба было не протолкнуться. Стояли кучками, курили, потягивали пиво – внутри было запрещено. На входе дежурил Костя, закодированный алкоголик, племянник главы администрации. На лице его одновременно отражалась вся гамма чувств от отрицания до принятия.

– Здорово, Костян! – протянул руку Кирпич. Они не то что бы дружили, но порой ходили вместе на рыбалку и состояли в приятельских отношениях. – Эти со мной. Под мою ответственность!

– Слышал уже, – мрачно кивнул Костя и окинул взглядом Олега и Игоря. – Вся деревня толкует, что гости у тебя. Ты за них платишь? Тогда сто пятьдесят.

Петя протянул бумажку и горку мелочи, и они вошли в клуб. По просьбе Гаврилова, местного полубандита, поставили «Белые розы». Ему редко отказывали – все знали, что «Белые розы» означают скорую отключку всегда пьяного Гаврилова, и проще было согласиться и потерпеть.

– Беззащитны цветы! Что с ними сделали! Снег! И морозы! – одиноко надрылся бандит посреди зала, театрально ломая руку и закатывая глаза к потолку. Из кармана кожаной куртки торчала рукоять пневматического пистолета.

– Такой он у нас, – виновато развёл руками Петя. – В принципе, безобидный. Мы его и не трогаем.

«Белые розы», ко всеобщему облегчению, закончились, и началась нормальная музыка – электроника, техно, дабстеп. Петя любил танцевать, и поэтому, махнув рукой и крикнув невразумительное своим новым друзьям, отдался безумному ритму.

Он самозабвенно дёргался под музыку, то оставаясь в полном одиночестве, то вплетаясь в хоровод молодых сильных тел. Здесь почти все были лет на десять-пятнадцать моложе Пети, но он ничуть не комплексовал по этому поводу. Напротив, он ощущал, с одной стороны, молодость своей души, а с другой – внутреннее превосходство над неопытной юностью. Парни почтительно расступались, когда он выполнял коронный номер – танцуя, проходил зал из конца в конец; девчонки хохотали, некоторые насмешливо, потешаясь над великовозрастным танцором, но многие кокетливо – особенно те, кто уже побывал в гостях. Кирпич наслаждался эйфорией, которую дарил ему клуб; если бы не глупые и жалкие естественные потребности вроде еды, сна и сортира, он бы проводил так вечность – ритмичные движения, смех, сверканье светомузыки, вспышки стробоскопа, хриплые звуки из стареньких колонок, шум и...

– Петя! Петя! Кирпич! – голос выдернул из экстаза и швырнул в дурно пахнущую реальность деревенского клуба. – Там твоего друга бьют!

– Чё? – набычился Петя, ещё не осознав до конца смысл слов, оглушённый музыкой и собственным великолепием.

– Друга твоего бьют! – лицо произносившего это парня было смутно знакомо. Чей-то внук? Бабки Мани?

– Бьют? Олега? Игоря? – наконец дошло до Кирпича. – Где?

– На улице! – прокричал вероятный бабманин потомок. – Ну, или собираются!

– Разойдись! – взревел Петя, расталкивая окружающих широкими плечами, и выскочил наружу.

Компания из десятка человек обступила Игоря, который пытался говорить что-то о контакте. Олега нигде не было видно. Кажется, пока никого не били, но тон разговоров был агрессивным и не предвещал ничего хорошего.

– Чё происходит, черти? – заорал Петя так, что услышали, наверное, на другом берегу реки. – Вы чё творите?

– Петя! Остынь! – старший, Васёк, повернулся к Кирпичу. – Давай без драк!

– Ты чё базаришь, пацан? – наседали Петя. – Я не вижу что ли, что вы хотели кореша моего тут замесить?

– Да он первый начал! – Васёк, хоть и в окружении прихвостней, откровенно трусил Кирпича, зная его суровый нрав. – Да он к моей девке...

– Я отрицаю! – вмешался Игорь подрагивающим, но твёрдым голосом. – Несмотря на внешнее сходство, наша физиология различна. Да и женские особи вашей расы не являются для нас привлекательными.

– Во, видишь, – вновь набычился Васёк, – он мою Люду стрёмной назвал!

– Кто кого стрёмным назвал, олух? – расхохотался Петя. – Ты что-нибудь за контакт можешь сказать? А за Глубокий Космос? Он может, ясно! Ты вообще что-то шарить в Чет-

вёртой Группе Внешних Взаимодействий? Сечёшь, что это такое? Галактический масштаб для тебя пустой звук? Или тебе пояснить за межзвёздное расстояние? А?

– Ладно, Петя, ладно, – Васёк, сражённый большим количеством новых слов, отступил, подняв ладони. – Ты не бузотёр, хорошо? Мы просто поговорить хотели...

– Сначала пойми уровень официальных контактов, а потом говори, – бескомпромиссно отрезал Петя и повернулся к Игорю: – Капитан твой где?

– Выпил что-то из бутылки местного жителя и потерял чувства, – отозвался штурман. – Я его в машину отнёс. Кажется, острая интоксикация чужеродной органикой. Завтра придёт в себя.

– Погнали отсюда. Всё настроение испортили, черти, – кивнул Петя в сторону компании Васька и пошёл к «Ниве».

На обратном пути молчали. Олег сопел на заднем сиденье, Игорь, нахмурившись, сидел спереди.

– Приносим извинения за нарушение режима отдыха, – наконец прервал он молчание.

– Да ладно, мне и самому там надоело, – примирительно отозвался Кирпич. – Не мальчик уже, всю ночь танцевать не хочу. Сейчас выпьем по маленькой, и на боковую. Добро?

– Добро, – кивнул Игорь.

Дома Кирпич выковырял из холодильника остатки сала, колбасу, подсохший сыр, кинул в кипящую воду картошку в запятнанном мундире. Выставил на стол две рюмки, изошрённой формы бутылку.

– Лучшая! Чистая, как слеза! На яблоках настаивал! – гордо отрапортовал он. – По первой, пока картошечка варится?

Через полчаса пришёл старший лейтенант Безруков. Олега уже давно отнесли в койку, и он тихо сопел, периодически бормоча на неведомом языке. Кирпич включил на смартфоне «Ой, мороз, мороз» и тихонько пел, Игорь старался подпевать.

– ...моего коня-а-а-а! – присоединился с порога Безруков.

– Заходи, Серёг, – махнул рукой Петя. – Какими судьбами?

– Сигнальчик тут поступил... – начал было лейтенант.

– Выпить что ли хочешь? – перебил его Игорь.

– Хочу, – признался лейтенант.

– Садись, – хозяин дома подвинул табуретку. – Знаешь, хорошо, когда душа поёт. Бывает – выпьешь, и в грусть впадаешь. Или, наоборот, буйный становишься, задираешь всех, на рожон лезешь. А когда душа поёт – такое опьянение самое лучшее. С него и голова наутро не болит. Как думаете, ребята?

– У меня тост есть! – шатко поднялся Игорь.

– О! Тост от инопланетного гостя! – расцвёл старший лейтенант. Кажется, он уже успел изрядно принять до того.

– Я предлагаю выпить за контакт! Считаю его состоявшимся! Вот, – штурман протянул рюмку к центру стола.

– За контакт! – присоединились остальные. Чокнулись тихо, чтобы не разбудить капитана.

Спектр

Я проснулся среди ночи. Что-то разбудило меня.

Скрип? Лёгкий, на пределе слышимости, стук в оконное стекло? Шум первых капель дождя по крыше? Ощущение тревоги тяжёлым осклизлым комом поселилось внутри и не хотело уходить. Наверное, вчера я выпил слишком много вина. Работа не шла, я откупорил бутылку, после – вторую... Вдохновения не дождался, зато сумел забыться сном сразу, без обычных потных переворотов в мятых простынях. В горле стоял ком, и я прочистил его; звук потонул в тишине дома.

Вдев ноги в мягкие разношенные тапки, я поплёлся в туалет, стараясь не наткнуться на разбросанные вещи. Да, моя берлога была захлавлена, но лишь отражала мой извечный внутренний цикл хаоса и порядка. В периоды хаоса я таскал домой ненужные вещи и пытался выдавить из них хоть каплю вдохновения, днями лежал на диване, разглядывая сюрреалистичные потёки на потолке, питался консервами и хлебом, пил сырые яйца и тем выживал. При наступлении эры порядка я раскрывал все окна, впуская свежий воздух взамен затхлого, износившегося, беспощадно избавлялся от хлама, пил свежавыжатые соки, выходил на пробежки и радовался жизни. Мне сложно сказать, от чего зависит наступление каждого периода. Порядок часто совпадал с деньгами, но что было причиной, а что – следствием? Как бы то ни было, двойственность эта преследовало меня с раннего детства.

Моча оказалась густой, чуть ли не коричневой, что несколько испугало меня и усилило чувство тревоги. Может, я болен? Отказывает печень? Нет, моча связана с почками. Красное... было ли в ней красное? Была ли кровь? Я попытался рассмотреть остатки на стенках унитаза, но они были столь грязными, что попытка не увенчалась успехом. С досады я плюнул в водянистый зев сливного отверстия и нажал на рычажок. Ржавая вода подхватила плевков и мочу и унесла в далёкое путешествие по трубам. Через время они впадут в реку, уплывут дальше, на большие воды, кто-нибудь выловит из этой реки рыбу и продаст её ничего не подозревающему обывателю. Обыватель запечёт рыбу в фольге, с лимоном и укропом, и поставит на стол, и будет есть вместе с молекулами моей мочи, угощая восторженных домочадцев.

Мысль изрядно повеселила меня, и я решил, что неплохо бы выпить стакан воды и выкурить сигарету, раз настроение немного улучшилось, а спать пока не хочется. Найдя чистый стакан, я плеснул из-под крана, попутно удивившись тому, что вода перестала пахнуть ржавчиной. Испачканными краской пальцами я извлёк сигарету из мятой пачки и прикурил от трепещущего спичечного огонька. Дождался, пока спичка догорит, и выбросил её в пепельницу, только когда она обожгла мне пальцы.

Боль привела в чувство, помогла стряхнуть оцепенение. Осклизлый ком будто съёжился и притих, но не исчез совсем. Я не мог понять истинную причину тревоги. Что-то случилось? Кажется, нет. Моя берлога в порядке, ничего не пропало и не появилось. Второе пугало меня больше. Мне всегда казалось, что в таком хламе новые вещи начнут появляться сами собой, без моего ведома и участия. А может, уже начали. Вон та кукла без рук на подоконнике – когда я её принёс? Или это сделал кто-то из моих гостей? А свёрнутый в трубочку гобелен, изображающий Венецию – откуда? Я обнаружил его несколько недель назад и понятия не имел, как он там оказался.

Нет, не новые вещи меня нынче тревожили. В конце концов, их все ожидает одна и та же судьба – быть выброшенными, когда начнётся эра порядка. Но зудящее беспокойство не уходило; теперь оно надоедливым подкожным паразитом переползло на загривок и чесалось там.

Чтобы успокоиться, я решил что-то написать. В любом углу моей берлоги на расстоянии вытянутой руки всегда лежали блокнот, карандаш, уголь, лист бумаги, кисть, краски,

что угодно. Идея могла озарить в любую секунду, и терять драгоценные мгновения на поиски пишущих принадлежностей означало упустить пойманную удачу. Как говаривала моя склонная к эзотерике подружка, нужные вещи всегда должны быть на расстоянии действия ауры, которое она оценивала в три метра или что-то около того. То же самое она говорила и о людях, намекая на постоянное место жительства в моей берлоге, но встретила недвусмысленный отказ и отбыла щекотать ещё чью-то ауру. Толковали даже, что сложилось, и теперь они неразлучны, почти как сиамские близнецы.

Окинув ищущим взглядом радиус ауры, я застыл. Увиденное не укладывалось в голове, я не верил глазам и потёр их, желая убедиться, что не во сне и не в галлюцинации. Подкожный паразит исчез – как оказалось, он зудел именно об этом. О простой глубокой миске на столе. Стеклянная, потёртая, она притягивала взгляд, я наощупь протянул руку и щёлкнул выключателем, стараясь разглядеть всё в деталях.

Вчера, между первой и второй бутылкой, мне стало скучно, и я принялся смешивать старые краски в этой миске, стараясь найти новое интересное сочетание для картин. Кажется, я плеснул туда из бутылки... Может, добавил что-то ещё? Кажется, да. Бросал ради развлечения разный мусор. Собрал пыль со стола? Не помню. А зря. Я подошёл ближе и наклонился над миской.

В ней покоилась масса странного цвета. Не красный. Не розовый. Не синий. Не голубой. Не зелёный. Никакой из тех, что были доселе известны человеческому глазу. Цвет был прекрасен, он вбирал в себя остальные цвета и их оттенки – ярость красного, теплоту бежевого, отрешённость синего, тревожность жёлтого, покой зелёного, выдержанность чёрного... И ещё десятки и сотни других свойств, оттенков и смыслов. Он был идеален. Он был золотым сечением в мире цветов, недостижимым эталоном, который сейчас покоился в простой миске у меня на столе. Я решил назвать его. Я дал ему имя – Цвет.

Обретя имя, Цвет будто заиграл новыми красками. Мне казалось, что он жил сам по себе, словно обладая разумом и даже волей, но не умея контактировать с миром. Я решил помочь ему.

Я взял лист бумаги и окунул в Цвет палец. Я нарисовал пальцем линию на листе. Это оказалось восхитительно. Я прильнул взглядом к линии и долго не мог отвести глаз. Она была идеальна – не ровная, с едва заметным искривлением посередине, там, где дрогнула рука. Искривление добавляло линии реальности, изюминки, перчинки, если можно так сказать. А главное – линия была наполнена Цветом, она буквально дышала им. На миг я ощутил, что через Цвет со мной будто говорит сам Создатель. Словно я постиг изначальную суть Вселенной, проник мысленным взором на триллионы лет назад, когда не было ничего, кроме вечной пустоты. И Цвета, которым была заполнена вечная пустота. Именно из него появились другие цвета, да и не только они – понятия времени, пространства, самого бытия зародились в Цвете и наполнялись им по сей день. А я сумел прорвать тонкую грань между мирами и впустить крошечную каплю Цвета в существующую реальность.

Осторожно, чтобы не спугнуть наваждение, я взял стопку листов, кисть и начал писать. Я писал всё, что мне приходило в голову, и с каждым мазком ощущал, как переполняюсь Цветом до краёв. Отныне мне не были нужны вода, еда и сон. Цвет заменял мне всё.

Остановился я только под утро, когда миска опустела наполовину, а листы, да и не только они – ещё и стулья, стены и всё остальное, до чего я смог дотянуться – украсились Цветом. С ужасом я осознал, что Цвет может закончиться. Судьба даровала мне шанс, а я так бездумно истрачу его? Я, наверное, впервые в человеческой истории открыл Цвет, мне отпущена лишь крошечная его доля, и я израсходую её для украшения мебели? Нет! Ни в коем случае! Я должен написать величайшие картины в истории. Не ради славы, конечно, а лишь для того, чтобы принести Цвет другим.

Я вновь подумал о том, что Цвет скоро иссякнет. Меня охватили тревога и даже паника. Но я смогу воспроизвести его! Я же видел его! Я его создал! Подбежав к шкафу с красками, я сгрёб всё, что там было, и принёс из ванной большой эмалированный таз, покрытый сеткой мелких трещин. Усевшись на пол, я принялся выливать краски в таз, смешивая их руками, пытаюсь понять, как создать Цвет. Открыл бутылку вина, пачкая всё вокруг, вылил половину – не помогло. Вместо Цвета у меня получилась бурая жижа, пахнувшая дешёвым пойлом. Такую продают в пластиковых бутылках под названием «алкогольный коктейль». Раздосадованный, я швырнул бутылку. Она покатилась, толчками сблёвывая на пол вино. Отрешённый, опустошённый, я откинулся назад, на кстатн подвернувшуюся диванную подушку, и уставился в потолок. Вскоре я забылся странной дрёмой, состоянием между сном и реальностью, когда привычные звуки и ощущения приобретают странный пугающий смысл, вплетаясь в реальность сновидений.

На поверхность меня вырвал дверной звонок. Кого нелёгкая принесла? Глазок был давно залеплен жвачкой – постарались хулиганы, а мне было лень отрывать. Я отпёр, не глядя, и окинул взглядом гостей. Алекс и Лиза. Дружеское участие и женская забота. Как будто мне сейчас это нужно.

– Марк? – Лиза неуверенно посмотрела на меня. – С тобой всё в порядке? Ты странно выглядишь. Твой телефон выключен уже несколько дней. Мы волновались и решили до тебя доехать.

Алекс хотел протянуть мне руку для приветствия, но не стал делать этого, завидев мои вымазанные пальцы. Это маленькая деталь не ускользнула от моего внимания, и я криво ухмыльнулся.

– Марк? – Лиза вновь начала хлопотать. Алекс не произносил ни слова, лишь сверлил меня сочувственным взглядом.

– Со мной всё в порядке, – голос показался мне чужим. Сколько я уже не разговаривал с людьми? Неделю? Больше? – Спасибо за заботу.

– Может, тебе что-то принести? – Алекс впервые уронил тяжёлую фразу. Он всегда так разговаривал, словно не общался, а вываливал на собеседника чугунные чушки.

– У меня всё есть, – равнодушно ответил я, разглядывая их обеспокоенные лица. Они были блёклыми, серыми, ничтожными по сравнению с Цветом.

– Марк, нам нужно кое-что обсудить, – вновь оглушил меня Алекс. – Может, пригласишь?

– У меня не прибрано.

– Как будто мы не привыкли, – улыбнулась Лиза. – Марк, пожалуйста, давай мы пройдем и поговорим. Мы твои друзья. Нам звонили твои родители, они очень обеспокоены, рассказали, что ты говоришь очень странные вещи...

– Много пил, – коротко ответил я. – Теперь завязал, – о, скорее бы они ушли!

– Марк, нам правда нужно поговорить, – Алекс попытался войти, и я вдруг понял. Они хотят забрать Цвет! Они как-то узнали о его существовании!

– Отойди! – рявкнул я так, что Лиза и Алекс отшатнулись. – Хватит приходить в мой дом! Мне никто не нужен!

– Чем у тебя пахнет? – Алекс наморщил свою картошку и сделался просто смешон. – Резкий запах... Голова от него болит.

– И руки странным выпачканы... – Лиза разглядывала капли Цвета на моих пальцах. Не другую краску, а именно их – я видел это ясно. – Белёсое какое-то... Марк, ты что, варишь наркотики? – от «страшной догадки» глаза девушки округлились.

– Белёсым? По-вашему, это белёсое? – я ткнул рукой с Цветом прямо в их гнусные хари. Внутри меня клокотала злость, обида за Цвет, великий, всемогущий, всепоглощающий Цвет. – Белёсое? А? Говори!

– Оно и пахнет, кажется, – кивнул Алекс и переглянулся с Лизой. – Марк, мы уйдём, но знай, что твои родители уже обратились к психиатру и получили направление на твою принудительную госпитализацию.

– Если ты придёшь и поговоришь, попробуешь убедить, что ты нормальный, просто это творческое начало так себя проявляет, всё ещё можно откатить, – подхватила Лиза. – Если нет, то тебя увезут! С полицией! Марк, это не шутки. В законе есть соответствующие нормы... а достаточно посмотреть на тебя, чтобы понять – в этом случае их можно применить. Прости, но выглядишь ты и правда не очень.

– Значит, вы решили упрятать меня в дурку и забрать Цвет, – их «хитрый» план был для меня очевиден. Они думают, что я идиот и куплюсь на это? – Так? Себе или кому-то?

– Марк... Какой цвет? – осторожно поинтересовался Алекс, отступая назад и вновь переглядываясь с Лизой.

– Не цвет, а Цвет! – я мгновенно приходил в ярость от того, что люди не понимали простых вещей. Глупцы! Припёрлись со своей заботой! Кому она нужна, если я стою на пороге великого открытия... и даже шагнул за него? Белёное на пальцах... Резко пахнет... – Да кто вы такие!

– Мы твои друзья, – начала было Лиза, но я перебил её:

– Я знаю, кто вы такие. Я не сумасшедший, клянусь. Вы Алекс и Лиза, мы общаемся ещё со школы, у вас весной свадьба, я всё помню, – я немного успокоился. Цвет давал мне сил, я чувствовал его даже спиной. – Просто сейчас у меня сложный период. Можете сказать, что я уходил в запой, но вышел из него. Скоро всё нормализуется...

– Марк, мы не можем отменить решение твоих родителей, это должен сделать ты, – развёл руками Алекс. – Иначе к тебе очень скоро приедут.

– Не достанут, – ответил я и захлопнул, наконец, дверь, чтобы не видеть больше серые лица. Я их обманул. Обвёл вокруг пальца. Они отстанут от меня ненадолго... Или нет? В любом случае, это неважно. Теперь я знаю, что Цвет хотят забрать. И понял, как этого не допустить.

Я повернулся к миске с Цветом. Он был прекрасен. Он давал мне сил. Притягивал, манил, звал к себе. Сзади стучали и пытались что-то прокричать через тонкий слой дверного металла, но я не слышал. О, я не позволю им провести меня. Не дам забрать Цвет. Он поможет мне. Древнее времени, пространства и бытия – что мне может быть страшно с Ним?

Я встал перед зеркалом с миской в руках и принялся украшать себя Цветом. Нарисовал линии на щеках и над бровями. Поставил точку на языке, покрасил мочки. С каждым движением я ощущал, что становлюсь сильнее.

Сбросил одежду.

Провёл измазанным в Цвете пальцем по шее, будто мне вскрыли горло.

Закрасил соски, нарисовал спираль на животе.

Мазнул Цветом по паху и почувствовал, что теперь любая женщина может быть только моей, стоит мне захотеть.

Покрасил подмышки.

Ягодицы.

Нарисовал линии на руках и ногах.

Подвёл веки. Накрасил губы.

Теперь я знал, что миру не нужны картины Цветом.

Миру нужен тот, кто будет править. Тот, кто обладает могуществом Цвета.

Миру нужен Я. Миру нужен Цвет во Мне.

Посмотрев на остатки Цвета в миске, Я запрокинул голову и покрасил Себя изнутри. Горло, желудок, кишечник; надеюсь, оно как-то достигнет и сердца, и лёгких, и мелких сосудов.

На дне миски остались лишь жалкие капли, но и они заключали в себе неслыханную мощь. Мощь, недоступную обычному человеку. Я был глупцом, когда хотел пустить Цвет на картины и дать их людям.

Я прошёл к кухонному шкафу и достал топорик для мяса и нож.

Пусть теперь хоть кто-то попробует сунуться ко Мне. Полиция, психиатры, Алекс, родители... Теперь они пыль по сравнению со Мной. Если полезут – с них Я и начну показывать миру Себя. Будущего властителя. Мессию Цвета. Пророка изначальной сути.

На лёгкие рези в животе я не обратил внимания.

Письмо

Дорогая Линда!

Решил в очередной раз написать тебе, хоть и давно понял, что это бесполезно. Ничего не могу с собой поделаться – рука сама тянется к листу и ручке, и я пишу, пишу, зачёркиваю, рву, пишу вновь. На днях даже кинул письмо в камин, бросился за ним, ожёг руку, но оно всё равно сгорело. Я убеждаю себя в том, что письма мои никому не нужны, ты никогда на них не ответишь, однако в такие минуты меня словно ведёт какая-то сила, которой я не могу противостоять.

В заповеднике нашем, на северной его оконечности, вырубали часть деревьев. Проклятые чиновники смогли выписать разрешение на строительство в обход всех и всяческих законов, и скоро там будут коттеджи, наверное, целая сотня. Я ходил к начальству, но все только разводят руками, хмурят брови и многозначительно тычут пальцем в потолок. Написал в правительство, но мне никто не ответил. Зато немного повысили зарплату – может, хотят купить моё молчание, как думаешь? Правда, напрямую меня никто ни о чём таком не просил, чем я и пользуюсь, не переставая писать жалобы всюду, куда только можно. Конечно, я уверен, что не получу ничего, кроме проблем, но моя совесть будет чиста. Я уверен, ты бы поддержала меня – со мной ты никогда ничего не боялась, помнишь?

Старенький наш дом скрипит всё больше. Мне кажется, он грустит без хозяйки. Лестница на второй этаж на каждый мой шаг отзывается треском – давно пора заменить опоры, но у меня руки не доходят. Да и не хожу я туда почти никогда. В нашей старой комнате всё осталось по-прежнему, я не трогал даже фигурки птиц, что мы с тобой привозили из путешествий. Я захожу туда лишь изредка, смахнуть пыль с книжных полок и посидеть минуточку-другую на нашем любимом кожаном диванчике. О, помнишь, скольким умопомрачительным моментам нашей любви он был свидетелем? Знаешь, я никогда всерьёз не хотел настоящую большую кровать, хоть порой и говорил тебе обратное. Мне кажется, когда у нас с тобой был только диван, в нашей любви оставалось что-то от сумасбродной юности, когда взрыв между нами мог произойти в любой миг и где угодно. Кровать, полагаю, стала бы шагом к скуке. А теперь она мне и вовсе не нужна – я сплю на кушетке в большой комнате, там, где камин и бар. Да, я пью. Не скажу, что много, но достаточно. Знаю, ты меня могла бы осудить, но что прикажешь делать? Вечерами тут довольно одиноко. Прибой всё так же монотонно долбит в обрыв за окном, навевая тоску и желание скорее забыться. Помнишь, Линда, как мы сидели на этом самом обрыве, и болтали о том, что всё пройдёт, наш дом рухнет и будет занесён пылью веков, а океан будет всё так же однообразно и могуче нападать на берег, чтобы в следующий миг отступить, а после вновь броситься в атаку? Может, ты и забыла о том разговоре, а я вспоминаю его почти каждый день, настолько он запал мне в душу.

Наш старый Бильбо умер, Линда. Двенадцать дней назад. Я держал его лохматую ушастую голову на коленях, гладил, пока он не испустил последний вздох. О, как он скулил и лаял за день до этого! Доктор в городе сказал, что у Бильбо опухоль, которую уже нельзя оперировать, и всё, что можно сделать – облегчить его страдания. Дал таблетки и уколы, я исправно делал всё так, как он написал на бумажке. Но в предпоследний день ничего не помогало. Как бедняга мучился! Ничего не хотел есть, даже любимые лакомые мясные обрезки, что я всегда брал для него у пузатого мясника, помнишь такого? Бильбо просто лежал и скулил, я не знал, что делать, и этот кошмар продолжался три часа. Потом он заснул. А наутро он не издал больше ни звука, только смотрел грустно, видимо, понимая, что конец его близок. Съел всё-таки мисочку мясных обрезков, выпил воды, немного полежал на солнышке, а потом пришёл ко мне. Клянусь, Линда, в его глазах стояли слёзы! Наш старый верный Бильбо плакал, чуя смерть, и я плакал вместе с ним. Я присел на его подстилку, положил его голову себе на колени

и сидел так четверть часа, пока не понял, что Бильбо больше не дышит. Я похоронил его за домом, положил в яму его стальную миску с выгравированной косточкой, которая была с ним почти с самого щенячьего детства.

Но зачем я всё о грустном? Довольно! Три дня назад заезжал Дядюшка Бу. Видела бы ты его! Отъел себе живот, выглядит дородно, солидно. Развёлся с четвёртой женой, не унывает, ушёл от неё по своему обыкновению с одним лишь чемоданом в руке, оставив старые вещи в старой жизни. Без монетки в кармане, весь в долгах, но довольный и жизнерадостный. Притащил бутылку жуткого пойла! Я порезал хлеб и яблоки, те самые, маленькие, что ты никогда не любила. Мы выпили эту бутылку. Ох, и плохо же нам было наутро! Правда, всё решило купание в океане, он сейчас холодный и освежающий, головную боль как рукой сняло. Дядюшка Бу (помнишь, я рассказывал тебе, откуда у него такое смешное прозвище?) уехал в новую жизнь, навстречу неизвестности, туманно намекнув на очередные прожекты, которые уж в этот-то раз наверняка принесут миллионы. Предложил мне бросить всё и податься на поиски счастья с ним, но я вежливо отказался – моя жизнь здесь. В этом доме, где мы проводили время с тобой, и где на втором этаже, в нашей комнате, до сих пор на полках стоят книги, что я читал тебе вслух в лицах, стараясь подражать профессионалам декламации.

Линда, я не знаю, зачем я всё это пишу тебе. Я повторяюсь, да? То же самое я говорил в начале письма. Но так и есть. Наверное, мне действительно очень-очень нужны эти письма. Так... легче, что ли. Меньше больно. Сколько прошло? Семь месяцев? Восемь? Я иногда стал путаться во времени, а недавно забыл, какой сейчас год на дворе. Поэтому ты не сердись на меня, хоть ты и не прочтёшь ни одного письма. Это не слабость, которую ты презирала, это иное. Может, просто другой вид силы? Я не знаю. Не писать я не могу. Пока не могу – возможно, когда-то всё станет иначе. Хотя, заглядывая в самые недра своей истерзанной души, порой я думаю, что иначе уже не будет.

Линда, на клумбе, что мы строили с тобой из обточенных прибором гладких камней, зацвели твои любимые астры. Сейчас, как закончу это письмо, я встану из-за стола, нарву букет и пройду сотню метров по тропинке, что стала с недавних пор моим излюбленным и ненавидимым маршрутом. Подойду к холмику, где лежишь ты, и положу туда цветы. Я уверен, что они пришлись бы тебе по вкусу. Вчера после дождя они пахли очень терпко и пряно – так, как тебе всегда нравилось.

С любовью. Твой Александер.

Дылда

Был он весь какой-то нескладный, неправильный. Высокий, не худой и не толстый, не сильный, но и не слабак. Никогда не знал, куда деть длинные руки и ноги, постоянно задевал и ронял вещи, спотыкался на ровном месте, торчал во все стороны сразу и занимал слишком много места в пространстве. Мужики даже имя его толком не запомнили – то ли Григорий, то ли Георгий, а некоторые так вообще считали его Геннадием. Прозвали просто Дылдой – но беззлобно, шуточно. Юморили, конечно, иногда устраивая розыгрыши, но на Севере скучно, и вряд ли кто-то мог всерьёз укорять их за это.

– Эй, Дылда! – вопрошал Дядя Саша, обветренный и матёрый работяга, батрачивший на Севере уже много сезонов. – Поддай-ка мне чашку, будь другом.

Дылда тянулся за чашкой, задевал кое-как прикрученную полку, и металлическая посуда с грохотом обрушивалась под всеобщие смешки. Дылда краснел, бормотал извинения, торопливо собирал посуду, безуспешно пытался поправить полку. Его дружески похлопывали по плечу, шутейно ободряли, советовали следить за руками – а также локтями, коленями и прочими выступающими частями тела.

Впрочем, Дылда не обижался. Из-за неуклюжести ему прощалось многое, за что другим вычли бы из зарплаты. Сломанные лопаты, потерянные инструменты, разбитые бутылки и даже одна помятая машина – Бригадир разводил руками, потом ими же укоризненно махал и делил штраф на всю бригаду. Люди не возражали, лишь бурчали недовольно, а Дылда вновь натужно краснел и сбивчиво просил прощения.

Откуда и зачем он взялся, никто толком не помнил. Просто пришёл как-то в вагончик, спросил Бригадир и вызвался помогать. Бригадир, оценив рост и кажущуюся силу Дылды, сначала обрадовался и повёл того в контору, оформляться. Ошибку он осознал уже после, однако на Севере не принято отказываться от своих, и Дылда остался. Работал он старательно, хотя старание это часто заканчивалось провалом.

Кажется, была там какая-то трагическая история любви и предательства, от которой Дылда сбежал, променяв комфорт Большого Города на суровые северные испытания. Может, хотел доказать, или укорить своим поступком, или просто скрыться от проблем там, где всё ясно и просто. Однажды, неумело напившись дешёвой вонючей водки, под нехитрый аккомпанемент быстрой и вредной лапши, Дылда принялся слюняво рассказывать, вспоминая имена, фамилии, топографические названия и щекотливые ситуации, грозил кому-то невидимому кулачищем, после чего храпливо заснул, скрипя пружинами и периодически бормоча невразумительное. На следующее утро он ходил мрачнее тучи, на расспросы почти не отвечал, и больше старался не пить сверх необходимого.

***

– Эй, Дылда! – Бригадир подошёл к парню, хлопнул того по плечу. – Собирайся. Поедешь с Кефиром и Васькой. Платят по две штуки за выезд.

– Хорошо, – кивнул Дылда, – чего делать-то надо?

– От мясокомбината заказ. Надо съездить к местным, забрать оленя. Они позавчера били оленя, привезти надо. Будешь грузить помогать. В разговор только не лезь, местные обидчивые. Кефир с ними умеет уже.

Дылда молча кивнул, торопливо спрятал в поясную сумку перочинный нож и фигурку, которую неумело вырезал из куска дерева. Бригадир уже давно заметил, что Дылда пытается учиться у Дяди Саши, который в этом деле был признанным мастером, но с расспросами не лез – на Севере каждый коротает время по-своему.

Погрузились в раздолбанный тентованный «Урал», который был общим на несколько бригад. Когда-то давным-давно его купили вскладчину, и теперь обслуживали, как умели, скидывались на топливо и масло, периодически гоня натруженную машину по своим делам. Аборигены бурчали в том смысле, что огромные чёрные шины вспарывают тонкую шкуру тундры, приплетали языческие поверья, а однажды в лагере даже объявился очкастый эколог, бормотавший об уникальной флоре и страдающей фауне. Эколога бить не стали – рабочий люд всегда привечал юродивых – напоили водкой, вручили в подарок добротный кусок вяленого мяса и пару рыбин, да и отправили с богом обратно.

Кефир, сняв с плеча карабин и закинув его за сиденье, сидел за рулём, а Дылда и Васька тряслись в промозглом кузове. В кабине было место ещё для одного, но Дылда сам забрался в кузов, а Васька не стал его бросать. Наматывая на колёса километры бескрайних просторов, «Урал» тяжко, словно огромное сильное животное, полз к своей цели – весьма условной точке на карте, где их ждали «местные» – кочевые оленеводы; в их чумах сюрреалистично сочетались лежанки из шкур, примитивные очаги и ноутбуки со спутниковым интернетом. Зажиточный оленевод за сезон мог заработать в несколько раз больше, чем вся бригада Дылды; детей они отправляли учиться в города; время частенько коротали за онлайн-казино.

– Знаешь, что в их чумах сорок две палки? – Васька любил поговорить, но размеренная дремотная дорога накладывала на разговор свой отпечаток: от реплики до реплики могло пройти несколько минут.

– Я читал, что может быть до пятидесяти, в зависимости от размера, – покачал коротко остриженной головой Дылда. Он смотрел через откинутый тент назад, туда, где расстилалась бескрайняя тундра.

– А мне больше нравится, что сорок две, – Васька закурил, выпустил наружу сизый дым. – Я книжку читал, в ней это было число гармонии или чего-то такого. Фантастическую. Про звёзды там было, я уж не помню толком. Но число запомнил – сорок два. Вот мне и нравится, что там это было число гармонии, и у местных тоже в чумах сорок две палки.

– Ну, пусть будет сорок две, – согласился Дылда, – мне как-то всё равно.

– Да тебе всё всё равно, – хохотнул Васька. – Ты вообще хоть думаешь о природе, о жизни?

– Иногда думаю, – уклончиво ответил Дылда.

– Знаешь, как я считаю? – Васька наклонился ниже, заговорщицки подмигнул. Он был довольно образованным парнем, много читал, но в его причудливой голове порой рождались престранные мысли. – Я считаю, что наша цивилизация подошла к концу. Вот. Космос мы освоили? Не освоили. Бессмертие открыли? Не открыли. Болезни вылечили? Нет! Фильм про матрицу смотрел?

– Смотрел, – кивнул Дылда, – мне он нравится. Актёр хороший.

– Во! – многозначительно поднял палец Васька. – Там наше будущее и показано! Только никакие роботы нас поработать не будут, ясно? Сами в капсулы ляжем. Подключат нас к виртуальности, и будем там тихонечко лежать, бродить в своей голове по воображаемым мирам. Сначала будем помнить, кто мы есть, но скоро совсем забудем. А богачи станут для нас придумывать новые программы, лишь бы мы землю не засорили, а сами будут деньги считать, природой любоваться, есть нормальную еду. Мы же станем рыцарями, космопиратами, кем только захотим! Но не по-настоящему. Вот как я думаю.

– Если по взаимному желанию, то почему нет? – спросил Дылда минуту спустя. То ли осмысливал сказанное Васькой, то ли думал о чём-то своём.

– Да как-то неправильно это, – пожал плечами Васька, – не по-человечески, что ли. Хотя вот эти оленеводы выживут. Они тысячи лет так жили, и ещё столько же проживут. Приехали что ли?

«Урал» действительно замедлял ход, натужный рёв двигателя сменился раскатистым урчанием утомившегося зверя. Вскоре машина остановилась, Кефир сразу же заглушил мотор, дабы не жечь драгоценное топливо.

Выпрыгнули из кузова – Дылда, к удивлению товарищей, не ударился сам и ничего не сломал. В паре десятков метров стоял чум, рядом раскинулся лёгкий кораль, по которому уныло бродили оставшиеся олени. Туши их сородичей, числом не меньше полусотни, лежали тут же, под небольшим навесом. Конечно, это был, так сказать, авангард оленьего племени, большинство, числом не меньше тысячи голов, паслись под присмотром в других местах. Никто толком не понимал, как оленеводы находили друг друга и своё стадо, по каким приметам ориентировались в скудной тундре, но факт оставался фактом – отделив часть стада, один из оленеводов приезжал в условленное место, где была мобильная связь, сообщал о том, что у него есть мясо, ждал покупателей, а после собирал чум и возвращался к своим.

– Приехали, – вышедший из чума местный был, кажется, ещё не стар, крепок телом, но лицо его было изрезано сеткой крупных и мелких морщин. Взгляд был спокоен и совершенно равнодушен.

– Добрый день, – кивнул Кефир, – да, приехали. Забираем?

– Сначала расчёт, – покачал головой местный.

Приняв из рук Кефира туго перевязанный пакет с деньгами, оленевод спрятал его в недрах кухлянки и коротко кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.